

# Индійскія Сказки.

---

# ИНДІЙСКІЯ СКАЗКИ

СБОРНИКЪ СКАЗОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА

Составленъ по разнымъ источникамъ

О.М.Коржинской

Съ предисловіемъ академика С.Ф.Ольденбурга.

С.-Петербургъ  
Издание А.Ф.Девріена

## ПРЕДИСЛОВІЕ

Тамъ, далеко за морями, садится солнце. На поля, на деревни ложатся сумерки. Погасъ закатъ и быстро, точно невзначай, наступаетъ тьма. На небѣ, чуть видными блестками, зажигаются звѣзды. День окончился, знойный и трудовой. Всѣ ищутъ отдыха и прохлады, но накаленная земля пышетъ жаромъ и горячая постель не даетъ желаннаго покоя. Вся деревня еще на ногахъ и вокругъ домовъ въ деревнѣ точно жужжаніе пчелъ: идутъ безконечныя бесѣды, тянутся длинные рассказы.

Вонъ тамъ, на краю деревни, гдѣ безъ умолку лаютъ собаки, собралась дѣтвора и бойкіе мальчишка, лучший сказочникъ въ округѣ, начинаетъ: «Жиль, былъ...» и льется сказка про царевича-богатыря, про прекрасную царевну, про весь тотъ волшебный міръ, который для деревенскаго мальчика существуетъ гдѣ-то далеко, далеко, и слушаешь его и слышишь въ устахъ индійскаго мальчика тѣ же сказки, которыя на суровомъ сѣверѣ у пылающаго очага сѣдя старухи рассказываютъ дѣтямъ. Имена другія и краски ярче и рѣзче, но рассказы все больше тѣ же: тутъ и храбрый портняжка, который въ Инд и сталъ горшечником. Кудесникъ по случайности, Харисарманъ, обошелъ сказки всѣхъ странъ подъ разными именами. Старые знакомые нашихъ дѣтскихъ сказокъ, волкъ и лиса, живутъ въ Индіи какъ тигръ и шакаль.

Но не объ однихъ только старыхъ нашихъ знакомцахъ умѣютъ повѣствовать маленькіе рассказчики въ ночной темнотѣ индійской деревни. Новые образы мелькаютъ передъ нами, неслыханные нами подвиги совершаютъ богатыри, переживаютъ невѣдомыя намъ раньше приключенія. Великій царь Викрамадитья, о времени жизни котораго спорятъ ученые и который далъ имя новой эрѣ въ Индіи, сказкою превращенъ въ Викрамамахараджу. И сказка повѣствуетъ о томъ, какъ жадный до приключеній царь, получивъ отъ бога умѣнье переселяться въ тѣло другого существа, сдѣлался попугаемъ. Быть можетъ, впрочемъ, въ этой чисто индійской сказкѣ слышатся отголоски того рассказа, который хорошо знакомъ русскому читателю, какъ повѣсть о гордомъ царѣ Аггеѣ. Наукѣ оживляютъ мертвое тѣло и переносятся самому въ него учатъ священныя книги индійцевъ, и сказки о Викрамѣ живо свидѣтельствуютъ о вѣрѣ народной въ чудесную силу заклинаній.

Вѣра народная! Какъ она и проста, и сложна вмѣстѣ съ тѣмъ, тамъ, въ этой далекой, полной очарованій для насъ странѣ. Все живетъ, все имѣетъ свою душу — духи и боги на каждомъ шагу. Природа вся одухотворена, это такъ просто! А вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ сложно, потому что тутъ рядомъ, вокругъ человѣка, цѣлый другой міръ, въ существованіи котораго человѣкъ такъ убѣжденъ. Наши сказки то же полны волшебства, духовъ, фей, сверхъестественныхъ силъ, но для насъ все это почти только символы. Міръ дѣйствительный и міръ сказочный отдѣлены для насъ непроходимой гранью. Не то въ Индіи, даже въ наши дни.

Индіецъ часто затруднится сказать, гдѣ кончается сказка и легенда и гдѣ начинается дѣйствительность. Эта жизнь сказки, какъ дѣйствительности, и составляетъ неотразимую прелесть индійской сказки. Конечно, покрытая холодной одеждой нашихъ сѣверныхъ словъ, лишенная своихъ, для насъ иногда до безобразія яркихъ тоновъ, она не то, что тамъ на родинѣ въ устахъ полунагого смуглаго мальчугана, льющаяся потокомъ среди жаркой

индійской ночи. Но и такъ она полна прелести знакомаго и незнакомаго въ смѣшанныхъ и переплетшихся между собою разсказахъ.

И у насъ горы говорятъ въ сказкахъ, но въ ихъ разговорахъ не чувствуешь той жизни, которая проникла бесѣды горныхъ великановъ, стоящихъ на стражѣ великой индійской земли съ сѣверной стороны. Правъ индеецъ, когда онъ думаетъ, что весь этотъ горный міръ живетъ. Слушайте, какъ прекрасная, гордая Гвашбарри въ далекомъ Кашмирѣ склонилась къ ногамъ своимъ царственный Вестерванъ, великую, могучую гору.

Это было давно и міръ тогда былъ еще юнъ, тотъ міръ, который теперь уже старъ. И все было не такъ какъ теперь, и великій Вестерванъ, былъ царемъ надъ горами. Высоко, высоко поднимался онъ надъ всѣмъ, что было вокругъ него. И тучи ложились плащемъ на его плечи, а глава стояла гордо и одиноко въ синемъ небѣ. Надменный, онъ взиралъ только на солнце и звѣзды. И темною ночью звѣзды сіяли вѣнцомъ вокругъ его головы.

Зависть и злоба закрались въ сердце окрестныхъ горъ: Харамукхъ и Нангапарбатъ гнѣвались и негодовали на презрѣніе Вестервана. Одна дивная Гвашбарри, холодная и сіяющая среди льдовъ, молчала, наслаждаясь своею красотой.

Однажды, когда Вестерванъ окутался тучами и скрылся изъ глазъ, окрестныя горы повели опять свои злобныя рѣчи.

И съ презрѣніемъ сказала имъ красавица Гвашбарри: «Чего вы только спорите и негодуете? Гордъ великій Вестерванъ и главу его вѣнчаютъ звѣзды, но самъ онъ, ноги его здѣсь въ землѣ, изъ земли, какъ и мы. Въ немъ только немного больше земли, вотъ и все».

«Такъ чего-жъ онъ гордится? Кто сдѣлалъ его царемъ среди насъ?»

Улыбнулась красавица Гвашбарри, улыбнулась нехорошей улыбкой: «Кто сдѣлалъ его царемъ? А вы сами. Для меня онъ не царь, даже въ вѣнцѣ изъ звѣздъ. Я его царица».

И горы кругомъ засмѣялись, ибо ниже всѣхъ ихъ была Гвашбарри.

«Подождите — не встанетъ еще завтра солнце, и у ногъ моихъ ляжетъ Вестерванъ».

И вновь засмѣялись насмѣшливо горы, но красавица Гвашбарри не смѣялась и не говорила.

И весь длинный, лѣтній день она сіяла и улыбалась. Солнце стало заходить и, какъ чары, розовые чары, легли лучи его на весь міръ. И блѣдная Гвашбарри вспыхнула, точно блестя красотою и любовью.

И увидѣлъ высокій Вестерванъ это сіяніе и обернулъ онъ свой надменный взоръ туда внизъ, въ долины, и глядѣлъ, глядѣлъ въ нѣмомъ изумленіи на дивную красоту.

Ниже спустилось солнце и еще ярче зардѣлась красавица Гвашбарри, будто отъ взора великаго царя горъ. И по долинамъ пронесся крикъ: «Гвашбарри, поцѣлуй меня, или я умру».

Пораженные, стояли горы кругомъ и молчали, а отзвукъ переносилъ слова изъ долины въ долину.

И улыбнулась Гвашбарри и отвѣтила:

«Какъ быть тому, ты высокъ безконечно, царь, а я такъ низка? Какъ мнѣ достичь твоей вѣнчанной звѣздами главы?» И вновь раздался тотъ же крикъ Вестервана. И красавица съ ледянымъ сердцемъ, Гвашбарри, чарующимъ шепотомъ дала свой отвѣтъ: «Ты любишь меня, наклонись ко мнѣ и поцѣлуй меня».

Ниже и ниже наклонился онъ, пока не легъ къ ногамъ Гвашбарри. Но солнце сѣло, и попрежнему, какъ всегда, холодная и надменная, стояла красавица Гвашбарри — и у ногъ ея лежалъ развѣнчанный навсегда великій Вестерванъ, а на небѣ сіялъ его звѣздный вѣнецъ.

Точно слышишь эти говорящія горы и видишь ихъ лица, точно это смуглые раджи и красавицы рани, царицы волшебныхъ дворцовъ!

Волшебство, да только волшебство, въ которое вѣрятъ, вотъ ключъ къ индійскимъ сказкамъ, такъ, какъ ихъ рассказываетъ народъ, такъ, какъ ихъ собираетъ заботливая рука тѣхъ, кому дороги и милы эти преданія другаго, далекаго отъ насъ, европейцевъ, народа, который въ давніе средніе вѣка послалъ къ намъ на усладу столько чудныхъ своихъ сказокъ. Какъ часто и въ дѣтствѣ, и послѣ мы читали эти сказки, переиначенные, передѣланные, и не знали, что намъ ихъ переслали наши далекіе индійскіе братья.

Когда индійскій рассказчикъ чувствуетъ, что рассказъ затянулся и надо кончить сказку, онъ, какъ и мы сейчасъ, говоритъ:

«Зачѣмъ ты сохнешь, терновый кустъ?  
А чего ѣсть меня корова твоя?  
Зачѣмъ ты ѣшь его, корова?  
А чего не смотришь за мною твой пастухъ?  
Зачѣмъ ты не смотришь за нею, пастухъ?  
А чего не даетъ мнѣ рису невѣстка твоя?  
Зачѣмъ ты, невѣстка, не даешь ему рису?  
А чего плачетъ мое дитя?  
Зачѣмъ ты плачешь, дитя?  
А чего щиплетъ меня муравей?  
Зачѣмъ ты щиплешь дитя, муравей?  
Кутъ! Кутъ! Кутъ!»

*Сергій Ольденбургъ*